

БЕЛОКАМЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

Лесные земли Ростово-Суздальского княжества долгое время были глухой окраиной Киевской Руси. Первая столица — Ростов — возникла только в X в. В начале следующего столетия появился Ярославль, основание которого легенда связывает с Владимиром Мономахом. Осматривая свои северо-восточные владения, князь остановился на ночлег в посёлке на берегу Волги. Однако местные волхвы (языческие жрецы) встретили гостя неприветливо и натравили на него священного медведя. Владимир в единоборстве одолел зверя и в память об этом заложил на месте поселения город, гербом которого стал медведь с секирой.

Примерно тогда же Владимир Мономах основал крепость в Суздале и город на Клязьме, получивший его имя, — Владимир. Строительство в те годы, судя по остаткам построек, обнаруженных археологами, вели киевские мастера.

Первым самостоятельным ростово-суздальским князем стал сын Владимира Мономаха Юрий Долгорукий. Князь почти постоянно вёл междусоборные войны за киевский великокняжеский престол, а собственную землю рассматривал скорее как базу, оплот для решающего броска на столичный град. Своей резиденцией Юрий Долгорукий избрал пустынное место под Суздалем — Кидекшу, где возвёл мощный укреплённый замок.

Северо-Восточная Русь
в XIII—XV вв.

Фрагменты
белокаменной резьбы
Успенского собора
во Владимире.

соборы Святой Софии на Руси — и киевский, и новгородский, и пологий. По площади храм Андрея Боголюбского был значительно меньше Софии Киевской и обладал поразительной лёгкостью и стройностью. Стены и столбы стали тоньше, чем в постройках Юрия Долгорукого; вместо как бы растекающихся по стене выступов-лопаток появились плоские четырёхгранные полуколонны — *тиястры*. Наложённые на них тонкие полуколонки, на глазах словно растущие вверх, заканчивались изящными листовидными капителями. Незамысловатые арочки преобразились в красивый пояс из колонок, свисающих подобно бахромке. Между колонками, очевидно позолоченными, были написаны изображения святых. Сверхали золочёной медью также порталы, глава и несущий её барабан.

Впервые владимирские горожане смогли полюбоваться и резными каменными рельефами. На одном из них грифоны (фантастические существа с львиным туловищем, орлиными головой и крыльями) возносили на небо Александра Македонского. С другого рельефа смотрели фигурки сорока севастианских мучеников, брошенных в холодное озеро, с третьего — три отрока, ввергнутые вавилонским царём Навуходоносором в горящую печь. А вошедшего в храм поражали яркие росписи, полы из цветных майоликовых плиток, сделанных из обожжённой глины и покрытых глазурью, драгоценные ткани и ковры. Весь облик собора стал совершенно другим: не суровый воин заказал возвести эту постройку, а рачительный хозяин и утончённый ценитель искусства.

Едва ли уступала по роскоши городскому собору княжеская церковь Рождества Богородицы в Боголюбском замке (1158—1165 гг.), куда князь Андрей любил водить почётных гостей. Такой церковью, «всею добродетелью церковной исполненной, измечтанной всею хитростию», можно было гордиться. Её купол несли не столбы, а круглые колонны, которые завершались пышными зо-

лочёными капителями, напоминавшими короны; стены пестрели фресками, а полы сверкали начищенными плитами красной меди. Внутри было светло и просторно; высоко возносились хоры, где во время службы стоял князь со своей свитой. Над белокаменной крепостной стеной издали были видны золотая глава Рождественской церкви и две высокие лестничные башни двухэтажного белокаменного дворца.

Если у Юрия Долгорукого храмы выглядели как крепости, то у Андрея Боголюбского крепость походила на дворец. Нарядно украшенный фасад с тройными окнами, с бахромой висячих колонок более подходил парадной резиденции, чем зданию, рассчитанному на осаду. Площадь перед дворцом была вымощена камнем: на такой площади не стыдно было бы принять и самого германского императора Фридриха Барбароссу, который, по преданию, в знак уважения и дружбы прислал Андрею своих мастеров. Под белокаменной сенью стояла большая водосвятная чаша. Говорили, что в эту чашу Андрей щедрой рукой насыпал деньги для раздачи работникам. Князь чувствовал себя «самовластцем» в своём княжестве и не видел нужды хорониться за грозными стенами мрачных крепостей.

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА НА НЕРЛИ

От остатков Боголюбского дворца открывается вид на постройку, ставшую символом древнерусской архитектуры, — знаменитую церковь Покрова на Нерли (1165 г.). Андрей велел поставить её в том месте, где река Нерль впадает в Клязьму, в память о сыне, юном Изяславе, павшем в бою с волжскими булгарами. Сейчас церковь, уединённо стоящая на бескрайних просторах владимирских равнин, отражающаяся в воде неширокой речки, выглядит позанутой и печальной. Чем же объясняется её мировая слава?

Церковь невелика и удивительно гармонична. Полуцилиндры апсид (выступов алтарной части храма), такие грузные, так сильно выступающие в постройках Юрия Долгорукого, здесь словно утоплены в тело храма, и восточная (алтарная) часть не перевешивает западную. Фасады разделяются многослойными четырёхступчатыми лопатками с приставленными к ним полуколонками; острые углы лопаток и стволы полуколонн образуют пучки вертикальных линий, неудержимо стремящихся ввысь. Вертикальное устремление постепенно и незаметно переходит в полукруглые очертания закомар. Полукруглым закомар вторят завер-

шения изящно вытянутых окон, порталов, арок колончатого пояса (кстати, эти арочки стали уже, чем в Успенском соборе, колонки чаще и потому ещё более напоминают бахрому на дорогом покрывале). И наконец, церковь венчает полукруглая глава, которая раньше была шлемовидной, а сейчас напоминает луковицу.

Красив резной узор церкви. В центре каждого фасада (кроме восточного), наверху, в поле закомары, находится рельефная фигура знаменитого библейского царя Давида-псалмопевца. Царь Давид играет на лире, а слушают его львы, птицы и грифоны. Птица — древний символ

*Львы
птицы*
Церковь Покрова
на Нерли, 1165 г.

ВЛАДИМИР

человеческой души, а лев — символ Христа. В Средние века считалось, что львица рождает детёнышей мёртвыми и оживляет их своим дыханием. Это воспринималось как прообраз Воскресения Христова. Кроме того, лев будто бы спит с открытыми глазами, подобно тому как Бог не дремлет, храня человечество. Наконец, лев — царь зверей, а Христос — Царь Небесный. Последнее толкование связывало льва с идеей княжеской власти: ведь земные правители считались заместителями Бога на земле. А резные львы внутри храма помещены на верхней части столбов, поддерживающих купол. Купол церкви — это небо, простёртое над землёй; небесный свод утверждался на львах, как на власти утверждается порядок земного мира.

Под львами и птицами в кладку вставлены загадочные маски: юные лики с огромными глазами и распущенными волосами. Некоторые учёные связывали их с образом Богоматери до Её обручения с Иосифом, когда Пресвятая Дева ещё не покрывала головы. Однако скорее всего маски изображают ангелов, явившихся послушать Давида и прославить Богородицу. Изображения Девы Марии в резьбе храма нет, но весь облик церкви, такой стройной и изысканной, напоминает Её образ, запечатлённый церковным писателем Епифанием, особо отмечавшим тонкость Её рук и перстов. Вообще говоря, любую церковь можно уподобить Богоматери, поскольку Мария в церковной традиции символизирует Церковь Земную. В храме Покрова на Нерли это умозрительное положение стало наглядным.

Своей властной политикой Андрей вызвал недовольство бояр и был убит заговорщиками в Боголюбовском дворце. Предание гласит, что он принял смерть от руки Кучковичей — братьев его жены, сыновей боярина Кучки, некогда казнённого Юрием Долгоруким. Владимиром стали править рязанские князья, прежде всего отправившие владимирскую казну к себе в Рязань. Когда же они посягнули на

имущество церквей и даже на икону Владимирской Богоматери, жители города восстали и позвали на княжение брата Андрея — Михаила Тяжелобольного Михаила к месту битвы с рязанцами принесли на носилках. Несмотря на это, ему удалось обратить противников в позорное бегство: рязанские князья так торопились, что бросили во Владимире своих жён и старую мать.

Михаил прожил недолго. Его наследником стал следующий сын Юрия Долгорукого, Всеволод, получивший за своё большое семейство прозвище Большое Пгнездо. Он предал казни убийц Андрея, повелев бросить их в просмоленные гробы в бездонное озеро. Говорят, что с тех пор вода в этом озере, получившем название Пловучего, стала чёрной, как смола. Всеволоду досталось хорошее наследство — богатое, обширное, процветающее княжество, которое стало сильнейшим на Руси.

ДМИТРИЕВСКИЙ СОБОР

В 1185 г. во Владимире случился большой пожар, повредивший Успенский собор Андрея Боголюбского. Надо было или отремонтировать его, или строить заново. Однако новый князь Всеволод Юрьевич поступил иначе: зодчие обстроили старый храм широкими галереями, заключив его в огромный каменный футляр (1185—1193 гг.). Стены андреевского собора частично разобрали, превратив их в столбы новой постройки, а над галереями возвели ещё четыре главы. Таким образом, собор стал пятиглавым и как бы ступенчатым: выше галерей, служивших усыпальницей владимирских князей и епископов, были видны своды центральной части, над боковыми куполами господствовала центральная могучая глава. Если собор Андрея высился над обрывом берега Клязьмы как прекрасное видение, то собор Всеволода напоминал могучий уступ горы. Он словно собирал вокруг себя растущий город,

Археологи установили, что раньше храм выглядел несколько иначе. Малой трапециевидной зоной, на котором стоит церковь, был обделен безразмерный портал, и храм горделиво высился над рекой, как поплавок на поставном. С трёх сторон к его стенам была пристроена торжественная аркада, состоящая из одинаковых арок, опирающихся на столбы и украшенная резными изображениями барсов (барс был эмблемой Владимирского княжества). Поэтому церковь казалась более просторной и устойчивой. Сейчас она выглядит просторной и аркадой раньше она была прекрасной и величавой, что вполне соответствовало толиковскому образу Богородицы — не слабой Девы, но ослепи и надежды всех жителей земли Русской.

Фрагменты белокаменной резьбы
Дмитриевского собора во Владимире. XII в.

Дмитриевский собор
во Владимире. XII в.

венчал его собор и осенял покровительством Богородицы.

Близ Успенского собора князь устроил новый княжеский двор, где решил поставить храм в честь своего покровителя Святого Дмитрия Солунского (1193—1197 гг.), потому что Всеволод носил христианское имя Дмитрий. Из далёкой Солуни, византийского города Фессалонии, принесли доску от гроба этого святого воина, ревностного защитника своего града. На этой доске написали храмовую икону Дмитриевского собора (накануне Куликовской битвы Дмитрий Донской перенёс святиню в Успенский собор Московского Кремля).

Придворный храм Всеволода не так строг, как церкви Андрея Боголюбского, но и не так приземист, как храмы его отца: он кажется золотой серединой между ними. Первоначально его обходили торжест-

венные галереи, а у западного фасада высились две могучие лестничные башни (к сожалению, малосведущие реставраторы во времена Николая I приняли их за более поздние постройки и разобрали). А вот по богатству резного убранства он превосходит всё, что строилось до него не только во Владимирском княжестве, но, пожалуй, и во всей Руси. Вся верхняя часть стен храма, начиная со ставшего обязательным для владими́ро-суздальского зодчества аркатурно-колончатого пояса, покрыта разнообразной резьбой. Её можно рассматривать часами как своеобразную энциклопедию: ангелы, птицы, звери, фантастические существа и растения сплошь покрывают стены между многослойными лопатками. Под арочками колончатого пояса стоят многочисленные святые, а в полях закомар расположены сюжетные сцены. Здесь тоже нашлось место для сюжета «Вознесение Александра Македонского», а на другом фасаде появился — совсем неожиданно для русской традиции — портрет самого Всеволода с сыновьями; новорождённого сына князь держит на руках. Выбор этих сюжетов продиктован назначением собора — княжеского домового храма, а также желанием возвеличить его могущественного заказчика.

Гораздо менее понятна тематика сюжетов богатой каменной резьбы. Выдающийся исследователь владими́ро-суздальского зодчества Н. Н. Воронин подсчитал, что разные звери на резьбе храма изображены двести сорок три раза, птицы — около двухсот пятидесяти раз, а львы сто двадцать пять раз. С ними соседствуют полуфигуры святых и всадники, а господствует над всем трижды повторённая (на разных фасадах) фигура библейского песнопевца. Может быть, мастера хотели изобразить весь существующий мир, все живые творения прислушивающимися к Божественному слову? «Всякое дыхание да хвалит Господа» — так сказано в одном из псалмов Давида. А может, их вдохно-

вил описанный в Библии образ Соломонова храма, который считался непревзойдённой вершиной зодчества всех времён?

ГЕОРГИЕВСКИЙ СОБОР В ЮРЬЕВЕ-ПОЛЬСКОМ

Другим шедевром белокаменного зодчества является Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.). Его построил сын Всеволода Святослав — тот, который изображён на руках у отца на рельефе Дмитриевского собора. К сожалению, верхняя часть величественного храма в XV в. рухнула и была сложена заново московским купцом и строителем Василием Ермолиным. Наверное, катастрофа случилась из-за сложной конструкции верха постройки: барабан её главы стоял не прямо на сводах, а на выложенных над сводами высоких арках. От этого церковь казалась ещё выше, а внутри всё её пространство словно собиралось вверх, к светоносному куполу. Эту удачную находку владимирских зодчих позже переняли московские мастера.

Надо отдать Ермолину должное: он добросовестно пытался подобрать камни в прежнем порядке, но задача была почти невыполнимой. Ведь резьба сплошь покрывала Георгиевский собор, и счёт сюжетов шёл даже не на сотни, а на тысячи! Поэтому он и выглядит теперь грандиозной каменной загадкой. Резьба Георгиевского собора двуплановая: изображения, выполненные в высоком рельефе, размещены на фоне плоского коврового узора из растительных завитков. Даже колончатый поясник поглотила стихия орнамента — он словно утонул в стене и покрылся изощрёнными орнаментальными узорами. Сочетание низкого рельефа с высоким производит удивительное впечатление, будто резьба выступает, прямо на глазах выходит наружу из гладкой поверхности стены. Если в церкви Юрия Долгорукого в Кидекше мастер явно

«прикладывал» резные детали к телу храма, то здесь они будто вообще не высечены человеческими руками, а порождены самим камнем.

С запада на входящего смотрел резной деисус (*греч.* «моление»; см. статью «Иконопись»), а северный фасад охраняли святые покровители владимирской княжеской династии. В образе воина над северным притвором (постройкой у входа) учёные видят Святого Георгия — святого, носившего то же имя, что и основатель династии Юрий (Георгий) Долгорукий. В резьбу включены многочисленные библейские сцены, которые должны были оберегать от несчастий: уже знакомые по владимирскому Успенскому собору «Три отрока в пещи огненной», «Даниил во рву львином» (пророк, которого не тронули львы) и «Семь спящих отроков» (юноши из города Эфеса скрылись от гонений в пещере и

Георгиевский собор
в Юрьеве-Польском.
XIII в.

Киевский дворец
Боголюбово. XII в.
Реконструкция.

проспали там непредимиыми полторы сотни лет). Очевидно, главная идея, воплощённая в резном наряде собора, — это охрана, Божественная защита княжества.

Увы, святым не удалось спасти Русь от монгольских полчищ. Владимирский князь пал в битве на реке

Сити всего через четыре года после того, как был построен собор в Юрьеве-Польском. Однако самобытное владими́ро-суздальское зодчество не погибло: подобно семи отрокам эфесским, оно лишь уснуло, чтобы вновь пробудиться спустя столетие в белокаменной Москве.